

Горьком творческого художника, составляет его главную силу как критика жизни. Острота его наблюдений, способность выявить слабую сторону всего и каждого, его талант видеть вещь с новых точек зрения и обнаруживать в них неожиданные стороны делают его одним из самых интересных в длинном ряду писателей, которые посвятили себя хладнокровному наблюдению за человечеством. Именно хладнокровным Горький остается до конца; а свободомыслящим, когда ему хочется; им никогда не руководило благоговение или душевное волнение. В лучшем случае, и наиболее вероятном случае, он сможет еще создать такой шедевр проникновенного наблюдения, как его заметки о Толстом, — я имею в виду, конечно, крымские заметки, а не письмо, написанное после смерти Толстого³. В нем есть внутренний порок, который калечит его. При всем его глубочайшем проникновении в реальность Горький не любит правды. А поскольку у него нет поводов воздерживаться от полуправд и инсинуированных неправд, то его очерки все чаще становятся гротескными искажениями действительности. Это практически аннулирует его моральный вес в глазах всех русских. И кажется, Горькому уже с лихвой отплатило за его презрение к русскому народу. Теперь

его серьезно воспринимают лишь иностранцы, а большевики используют его только как подходящую вывеску для созерцания за границей.

В презрении к русскому народу Горький не одинок среди большевистской аристократии. Но благодаря его относительной независимости Горький один среди них может ясно видеть то, что другие не видят. Каким бы ни было его восхищение Лениным (а я не верю, что оно чисто), он ясно видит, что русский народ не ответственен за Ленина, — или, выражаясь его словами, не достоин Ленина. Потому что своими проницательными глазами он видит, что «русский крестьянин имеет только одно желание: стать сытым буржуа»⁴, и что Ленин в его попытках поднять русский народ до своего собственного уровня является только «первым и самым храбрым из безумцев»⁵.

Исключительно пессимистические и нефанатичные настроения Горького резко отделяют его от большевиков, но что в нем действительно большевистское — это его подлинный интернационализм, его откровенное презрение к России и его совершенно дикое отношение к русской нации, как только к материалу для универсальной «планетарной» работы⁶.

«ДЕЛО АРТАМОНОВЫХ»

«Делом Артамоновых» (Берлин: «Книга», 1925) Горький впервые с «Матвея Кражемякина» (1911) возвращается к традиционной форме романа. За эти четырнадцать лет он очень изменился и, дело редкое в писателе на пятом десятилетии, вырос и окреп. Его позднейшие книги (начиная с «Детства») без сравнения выше по зрелости всего прежде написанного им, хотя в них и нет той чудесной бодрости и веры, которая так пленяла в «Челкаше» и «Моем спутнике» «Дело Артамоновых» несомненно лучший из романов Горького. То, что только маячило в «Фоме Гордееве», «Троих» «Исповеди», «Окурове» теряясь в тумане «разговоров» и богостроительских исканий, теперь предстало во плоти, собранной вокруг прочного костяка. Это подлинно социальный роман, в котором художественная сторона органически соединена с социально-познавательной и ни та, ни другая не господствует. Лучшее качество Горького, изумительная, граничащая с галлюцинацией зрительная убедительность его письма, соединяется с экономностью средств и логичностью постройки, которых со времени его лучших ранних рассказов мы отвыкли ждать от него. Вместе с тем рассказ по-настоящему «социологичен» и «историчен» — история Артамоновского предприятия «изображает» типическую (говоря языком старой критики) или «символическую» страницу из истории русской буржуазии. Основатель дела, из крепостных, кряжистый и жизнерадостный приобретатель; второе поколение — легкомысленный и легковесный Алексей, нудный, тупой, косный Петр, и мечущийся в поисках правды горбун Кузьма; наконец — внуки, — ученый, черствый «американец» Мирон, и исчезающий с середины книги революционер Илья. Бедность, грубость, дикость русской жизни, среди которой старик

Артамонов является сначала как будто живущей, зиждущей, будоражащей и потому ненавистной для других силой, которая, однако, не передается наследникам: духовная нищета русского буржуа, и вместе с тем его беспочвенность, и оторванность и сверху, и снизу — вот тема книги. Она принадлежит к одной из магистральных традиций русской литературы — к великому ряду обличений русской духовной скудости — «Обломов», «Господа Головлевы», «Деревня» Бунина. Никто не сравним с Горьким в искусстве создавать атмосферу бессмысленности и ненужности русской жизни. Эта атмосфера злой бесцельности, бесполезности, злой жестокости, злой случайности, мучительной тягучести и бескрылости проникает всю книгу, и Горький «винчивается» в нее своими пристальными и зоркими глазами, с каким-то сладострастием отвращения. Особенно мучительны неуклюжие, слепые, безнадежные поиски правды горбуна Кузьмы и косноречивого дворника Тихона. Кажется, что в них Горький вложил всю мучительную историю собственных исканий, самую трагическую по своей беспомощной безнадежности драму русской души. Этим безнадежным блужданием Горький несомненно несет какой-то крест за всех нас, скудыверов, толкунов на месте и Хлестаковых духа, и в выявлении наружу этой драмы — символическое значение его личности.

Мне представляется, что исчезающий из книги революционер Илья Артамонов должен стать стержнем для новой книги «Парадизо»⁷ или, по крайней мере, Чистилища по отношению к этой⁸. Но можно ли верить, что Горький, этот Агасфер Идей⁹, сумеет когда-нибудь дать «положительный образ» хотя бы отдаленно равный по силе «Делу Артамоновых»?¹⁰

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Антонов А. И. (1896—1962), Муравьев М. А. (1880—1918), Сорокин П. Л. (1884—1918) — офицеры царской армии, перешедшие в гражданскую войну на сторону советской власти.
2. «Удольфские тайны» — готический роман Анны Радклиф (1764—1823). Льюис М. Г. (1775—1818) — английский поэт, автор готических романов.
3. Имеется в виду неотправленное письмо М. Горького В. Г. Короленко от 16 и 17 ноября 1910 года. Оно составило вместе с «Крымскими заметками» знаменитый очерк 1919 года «Лев Толстой». В письме Горький говорил, что испытывает к Толстому «чувство, близкое ненависти».
4. Критик цитирует статью М. Горького «Владимир Ильич Ленин»: «...значительный процент крестьян хотя бы сытенькими буржуями — не больше этого».
5. Цитата из той же статьи Горького: «Я снова пою славу священному безумству храбрых. Из них же Владимир Ленин — первый и самый безумный».
6. Статья была опубликована в журнале «The London Mercury», 1922, т. 5, № 27, стр. 276—277.
7. Рай (итал.). Название третьей части «Божественной комедии» Данте.
8. Святополк-Мирский намекал на необходимость вслед за обличением «русской духовной скудости» дать книгу о духовной красоте в русской жизни и духовном очищении революционера, — прием известный в русской критике со времен К. С. Аксакова и А. В. Дружинина.
9. Агасфер Идей — человек, вечно ищущий новых идей и неспособный прикрепить их ни к одной из них.
10. Печатается по тексту журнала «Версты», Париж, 1927, № 2, стр. 256 — 257.

Предисловие, примечания и публикация В. ПЕРХИНА

Перевод с английского М. БОНДАРЕНКО